

Юрий Никитин

Сеттлеретика

*Часть сборника
Сингулярность (сборник)*

Юрий Александрович Никитин

Сеттлеретика

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=266122

Сингулярность: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36059-8

Аннотация

«Ноздри уловили аромат свежезажаренных гренок, козьего сыра и крепкого кофе. Из ванной донесся подчеркнуто шумный плеск воды, Наташа показывает, что встала раньше меня, хотя легли вместе.

На кухне яркий свет: автомат, судя по шороху, вытаскивает горячие ломтики хлеба с коричневой хрустящей корочкой и намазывает тонким слоем белоснежного сыра. Сонный, я выбрался на кухню чуть ли не на ощупь.

Две чашки с горячим кофе выдвинулись на разукрашенную цветочками полочку...»

Юрий Никитин

Сеттлеретика

Ноздри уловили аромат свежезажаренных гренок, козьего сыра и крепкого кофе. Из ванной донесся подчеркнуто шумный плеск воды, Наташа показывает, что встала раньше меня, хотя легли вместе.

На кухне яркий свет: автомат, судя по шороху, вытаскивает горячие ломтики хлеба с коричневой хрустящей корочкой и намазывает тонким слоем белоснежного сыра. Сонный, я выбрался на кухню чуть ли не на ощупь.

Две чашки с горячим кофе выдвинулись на разукрашенную цветочками полочку.

Я взял одну и крикнул:

– Натка, если сейчас не выйдешь, я и твой кофе вылакаю!

Дверь ванны отворилась, Наташа появилась смеющаяся и с каплями воды на ресницах.

– Не посмеешь, – пригрозила она. – Прибью, как бог черепаху. Ты не забыл, сегодня день рождения Веры Антоновны, мы обещали быть?

Я помрачнел, даже кофе показался слишком горячим и недостаточно сладким.

– Извини... Сегодня задержусь.

Она нахмурилась.

– Надолго?

– Не знаю.

Она взглянула в мое лицо, в глазах море сочувствия, как хорошо, что мне так повезло с женой: никаких мыслей, что задержусь в лаборатории с молоденькой лаборанткой.

– Все еще... – спросила негромко, – не идет?

– Все еще, – ответил я глухо. – Соври что-нибудь, хорошо? У нее и своих проблем хватает. Зачем ей видеть мою постную рожу?

Она сказала грустно:

– Как не хочется одной...

– Я с тобой, – сказал я. – Как и ты всегда. Но, увы, сегодня вариант две тысячи пятисотый... Юбилейный! И боюсь, за ним будет две тысячи пятьсот первый и... так далее.

Она молча и с глубоким сочувствием смотрела в мое лицо. Сегодня две тысяча пятисотая попытка, вот что значит эта цифра. Наташа провожала меня, как на подвиг, еще на первую попытку в истории сеттлеретики. Впрочем, первая тысяча опытов была заранее обречена на провал, мы тогда не понимали, это сейчас удивляемся тогдашней тупости и наивности.

Но сейчас все на таком высоком уровне, что осечек быть не должно. В теории. «Записываемого в компьютер», как говорят в народе, переносим целиком и полностью, в отличие от первых попыток, когда пробовали копировать на хард только «интеллект», на самом деле еще не умея его отделить от всей остальной нервной деятельности.

Второй этап, когда переписывали всю кору головного мозга, а потом неделями с замиранием сердца ждали результатов: пробудится электронно-человеческий мозг или нет? Хотя сами понимали: если и пробудится, то о результате узнаем в первые же микросекунды.

Прошло пять лет, к началу третьего этапа мощность суперкомпьютеров возросла настолько, что удалось переписать не только мозг, но скопировать с абсолютнейшей точностью всего человека: все нейронные связи, все клетки как в мозгу, так во всем теле, включая ороговевшие клетки на пальцах ног и структуру волос.

И все-таки даже в этом случае «переписанный» как будто проваливается в черную дыру. У нас строят самые дикие предположения, газетчики подхватывают, вернее, придумывают сенсации, чем невероятнее, тем лучше. И чем глупее. Понятно, сложное газетчики не понимают, но объясняют это тем, что не понимают читатели, им надо попроще.

На экране быстро сменялись новости хайтека. Я слушал невнимательно, от своих проблем голова пухнет, Наташа поглядывала краем глаза.

– Десять миллионов долларов! Ну и премия...

Я спросил дежурно:

– За что?

– Фонд Майкла Гейбла объявил, – пояснила она. – За разгадку спидрайвинга. Повезет кому-то...

– Что за спидрайвинг?

Она отмахнулась.

– Да теперь так называют загадку ускоренного развития человека. Почему-то никакие другие животные не стали разумными, не создали в такие короткие сроки цивилизацию... А сейчас, дескать, вообще такая лавина открытий, такая лавина! Человек не в состоянии со своими, мягко говоря, небогатыми данными...

Я поморщился.

– Опять пришельцев ищут? Затрахали, идиоты. Много они знают о скрытых ресурсах человека! Подумаешь, геном раскололи... Может быть, настоящая суть человека как раз и проявляется, когда он попадает в компьютер. Становится богом, монстром или... даже не знаю. Ну хорошо, милая. Дай поцелую, да побежал на работу.

Она слегка напряглась, когда я чмокнул ее в щеку, но я уже привык, у нее работа такая, даже рукопожатий и объятий начинают бояться, дал команду машине вылезать из гаража и закрыть за собой ворота. Наташа вышла из дома со мной одновременно, но ей удобнее по ветке скоростного метро, поверху домчит прямо к ее месту работы, Институту паразитологии.

Дверца за мной захлопнулась, машина вырулила на дорогу. Я спросил придиричиво:

– Заправилась?

– Да, – прозвучал приятный женский голос.

– А салон почистила? А то вроде пыльно.

– Дифракция света, – объяснил голосок мило, – салон чист.

– А на колесах грязь, – сказал я сварливо.

– Это не грязь, – ответил голос, – ночью я побывала на станции техобслуживания и заменила прежние диски на топовые. А у них такой вид. Это модно.

– Зачем? – удивился я. – Старые диски были вполне...

Голосок сказал чуть ехидно, я уловил нотки моей жены:

– Мужчины консервативны. Мне было велено все держать по моде.

– Догадываюсь, – проворчал я, – кто такое сказал... Боюсь, скоро такое станет нам не по карману.

Голосок послушно умолк, но настроение упало. Я попытался вспомнить попытки моего коллеги Бронина приспособить этот бортовой компьютер для оказания ему интимных услуг, но и это не развеселило, прибыл в центральную часть города в подавленном настроении.

Мы вихрем пронеслись по Окружной, довольно быстро примчались в центр, далеко впереди показалось здание института, но автомобиль полз к нему еще с полчаса, с ювелирной точностью пробираясь между сотнями тысяч припаркованных на улице и на газонах. Я еще застал времена, когда не было даже «навигаторов», подсказывающих дорогу, сейчас же человек только задает конечную точку маршрута, дальше машины бегут сами, постоянно переговариваясь друг с другом, координируя скорость, чтобы не коснуться одна другой

блестящими боками.

Лобовое стекло из прозрачного превратилось в экран, очередной выпуск новостей, новый виток напряженного соревнования между генетиками, медиками и технарями. Кто быстрее даст человеку идеальное здоровье, бесконечную продолжительность жизни и добавит мощности его интеллекту. И вообще – мощности. Я знаю, что даже в Институте паразитологии, казалось бы, куда с их свиным рылом, – но даже там конструируют биоманипуляторы на основе ДНК, то есть пытаются создать ассемблер из существующих в организме вирусов. Их работы обещают больше, чем наши, но нашим надо всего лишь завершить с переносом сознания человека в компьютерную сеть, а они еще даже не начинали толком, у них пока одни проблемы, а у нас гораздо проще, а сегодня, кстати, очередной этап... возможно, последний.

Конечно, последний, сказал я себе со злой иронией. Вот так говорю себе уже две тысячи пятисотый раз. И все равно – надеюсь. Дум спиро сперо...

Хорошо Наташе: она в институте, где занимаются самыми древними существами на свете, всякими микробами и прочими микроорганизмами, там не бывает прорывов в науке, спокойно и методично каталогизируют все эти миллиарды видов, прямо как в девятнадцатом веке...

Машина заползла под здание института, из зала подземной парковки я лифтом поднялся наверх, а оттуда уже в зал машинных расчетов. Так он назывался в древности, когда

все это помещение занимала ЭВМ, так называемая электронно-вычислительная машина, а на оставшемся пятачке в центре располагался пульт управления этим агрегатом.

Мощь этих ЭВМ росла, а размеры уменьшались, пока не стали помещаться в двух-трех шкафах. К тому времени мы начали привыкать называть их компьютерами, потом при росте мощности размеры уменьшились до крохотной пластинки, которую вставляли в мобильники, фотоаппараты, кофемолки, электрогрелки...

Сейчас на все товары приклеиваются крохотные идентификаторы, цена которых – десятая доля копейки, но по мощности в сто тысяч раз превосходят ЭВМ, располагавшиеся когда-то в этом зале.

Но сейчас это снова зал машинных расчетов, а вдоль стен в два ряда высятся стальные стеллажи с блоками, очень похожими на те, что стояли здесь всего лишь пятьдесят лет назад. И мощь каждого всего пять лет назад была равна мощи самого-самого суперкомпьютера планеты.

Если и сегодня опозоримся, мелькнуло пугливое, разорвут, заплюют, затопчут... и будут правы. С такой невероятной мощностью, с такими возможностями – и столько лет на месте? А на работе захлеб токовать, красиво закатывая глазки, о приходе сингулярности, что вот-вот, ну прямо завтра с утра, как бы сама собой...

Начиная от холла окунулся в повышенную нервозность, народ мечется суетливее, чем обычно, бегают со старинными

папками в руках, по условиям заказчика документируем все и на бумаге, много людей в синих халатах, раньше их называли «синими воротничками».

Навстречу мне метнулся Валентин Игнатьевич, мой зам, ветеран сеттлеретики, проповедовавший идею переселения людей в компьютеры, когда те были еще на лампах и занимали два-три нижних этажа института.

– Скрестили пальцы, Антон Юрьевич? – спросил он нервно. – Здравствуйте. Доброе утро!

– А вы через левое плечо похаркали? – поинтересовался я.

– И мелом черту провел у двери, – сообщил он так серьезно, что я поверил. Когда одни неудачи, на что только не пойдешь, в каждом из нас, пусть мы все академики, живет лохматый суеверный дикарь и время от времени прорывается наружу. – И пальцы держу скрещенными, видите?

– Фига получается, – заметил я озабоченно. – Как-то иначе скрестите... А что это за новость?

Шестеро дюжих грузчиков вкатили со двора в холл огромный металлический ящик, похожий на железнодорожный контейнер, только белого цвета. В раскрытые двери был виден трейлер защитного цвета с характерными пятнами войск специального назначения.

Валентин Игнатьевич помрачнел, взгляд ушел в сторону, но я смотрел требовательно, наконец он пробормотал:

– Генерал Иванов распорядился.

В сердце кольнуло, я задержал дыхание, потом спросил:

– А он почему вдруг?

– Вы же знаете, – ответил Валентин Игнатьевич умоляюще, – что же вы мучите? Один из основных заказчиков. На ключевых испытаниях присутствует всегда.

– Прошлые пропустил, – напомнил я. – И еще три подряд... Ох, у меня дурное предчувствие.

– Вы просто не любите военных, – сказал Валентин Игнатьевич. – А я в свое время откосил, потому у меня к людям в форме никакого негатива.

Подошел мой второй зам, Саенко, вдвое моложе Игнатьевича, ловкий и пробивной хозяйственник, блеснул зубами в приветливой улыбке и черными, как спелый терн, глазами.

– Ивановым любуетесь? Здравствуйте, Антон Юрьевич. Как здоровье? А то вы что-то бледный... Говорят, виагрой злоупотреблять вредно. Иванов при всех регалиях, видели?

– Еще увидим, – буркнул я. – Он со своим смазливym адъютантом? Или смазливой бабой в погонах, чтобы ничего лишнего не подумали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.